

Литовские загадки о доме как животном

МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА ЗАВЬЯЛОВА

Институт славяноведения РАН

АННОТАЦИЯ. В статье¹ рассматриваются литовские загадки, в которых дом загадывается через животное. Приводятся параллели из ближайших традиций (латышской и русской). На основании фольклорного и этнографического материала балтийских и славянских традиций (а также шире – индоевропейской) делается предположение о возможном ритуальном подтексте этих загадок, связанном со строительной жертвой, а также с высоким символическим статусом некоторых животных в мифологии древних народов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: загадки, фольклор, балтийская мифология, славянская мифология, индоевропейская мифология, семиотика животных, семиотика дома, ритуал.

Загадки, как один из наиболее семиотичных фольклорных жанров, не нуждаются в представлении. Исследованию загадок в семантическом, прагматическом, антропологическом, ритуальном аспектах посвящено немало работ (см., например, Левин 1978; Кёнгэс-Маранда 1978, 1984; Елизаренкова, Топоров 1984; Журинский 1989; Топоров 1994, 1998 и т. д.). Основываясь на анализе структуры и семантики загадок, исследователи делают вывод:

В своем происхождении загадки обнаруживают связь с архаическим ритуалом, моделирующим преодоление хаоса и упорядочение состава мира путем обозначения и именованя каждого его элемента; с магией слова и мифопоэтической картиной мира; с явлениями языкового табу и тайных языков. З[агадки] являются одновременно и продуктом, и инструментом языковой категоризации и концептуализации мира, идентификации, сравнения и систематизации его элементов <...> (Седакова, Толстая 1999: 233–234).

Таким образом, загадки предоставляют богатый материал для реконструкции фрагментов архаичной картины мира. Как отмечает Владимир Николаевич Топоров,

.....
1 Сокращенный вариант статьи был опубликован в электронном виде на сайте, см. <<http://tnikolaeva.inslav.ru/>>. Благодарю Татьяну Владимировну Цивьян за ценные замечания, высказанные в ходе работы над статьей.

[з]агадка «набрасывается» на мир, подобно сети, и благодаря «сетевой» структуре («сплетенность») охватывает все, на что она «наброшена», позволяет установить место данного объекта в классификационной схеме во всех его связях, с одной стороны, и в его индивидуальности, с другой (Топоров 1994: 90).

Нас в данном случае интересует один небольшой фрагмент этой «сети», связанный с архетипом дома. Теме дома в загадках также было посвящено немало работ (см., например, на славянском и балто-славянском материале: Цивьян 1978; Судник 1998). Однако загадки, посвященные такой специфической теме, как дому в образе животного, на балтийском материале специально не рассматривались.

Литовские загадки в отношении анализируемой здесь темы не являются оригинальными: комплекс текстов, в которых человеческое жилище загадывается через животных, существует в разных традициях. Тем не менее остановимся именно на литовском материале², который представляет интерес комплексностью отраженной в нем символики. Чтобы не углубляться в перечисления, в качестве сравнения приведем загадки только ближайших традиций (латышской и русской).

Литовские загадки, в которых дом или его части загадываются через животное или птицу (и части их тела), можно разделить на относящиеся ко всему дому целиком и к отдельным его частям.

Дом:

Meška tupi, viduriai kruta. – *Namas* ‘Медведь сидит, внутренности шевелятся’ (LTR 4514/21)³;

Labai didelės jautis, tam jaučiui pilvė žmonės gyvena. – *Pirkia* ‘Очень большой бык, у того быка в животе люди живут’ (LTR 459/465);

Višta tupi, žarnos kruta, vis uodegą kraipo. – *Namas, žmonės ir durys* ‘Сидит курица, кишки шевелятся, все хвостом водит. – Дом, люди и дверь’ (LTR 2458/137-5).

Части дома⁴:

Meškos kojos surakintos. – *Sąspara* ‘Ноги медведя скрещены. – Угловое сопряжение балок’ (LTR 421/540-23);

.....

2 За предоставление материала благодарю Аэлиту Кенсминене.

3 Загадки приводятся на литературном языке.

4 В данном случае в качестве элементов дома рассматриваются только части строения, исключая части интерьера, на которых ввиду их высокой семиотичности (напр., печи) следовало бы остановиться отдельно и посвятить им специальное исследование.

Jautis tvarte, ragai lauke. – *Balkis* ‘Бык в хлеву, рога на улице. – Балки’ (LMD I 211/38);

Avinas ant avino, tarp avinų taukai. – *Sienos, sienojai ir tarp jų samanų* ‘Баран на баране, между баранами жир. – Бревна стен и мох между ними’ (LTR 37/280);

Pilna pirkia žvirblių. – *Sienose šakelių* ‘Полна изба воробьев. – В стенах суки’ (LTR 37/2201);

Marga kiaulė tvoroj inkimšta. – *Langas* ‘Пестрая свинья в забор всунута. – Окно’ (LTR 37/1678);

Stovi ant vištos kojos, o kai gula – jaučio vietą užima. – *Durys* ‘Стоит на куриной ноге, а когда ложится – место быка занимает. – Дверь’ (LTR 597/9);

Mažas kumeliukas dieną naktį jojamas. – *Slenkstis* ‘На маленькой лошадке день и ночь катаюся. – Порог’ (LTR 1897/48/7).

Интересно распределение животных в связи с домом и его элементами: если весь дом репрезентируют чаще такие крупные животные, как медведь (чаще всего), бык, свинья, но и в отдельных случаях более мелкие – заяц, курица, обезьяна и даже рыба, то через образ лошади чаще загадывается порог, бычьи или козлиные рога соответствуют балкам дома, собаки и кошки часто символизируют окна. Как видно по примерам, актуальными в загадках являются ключевые элементы дома, отделяющие внешнее пространство от внутреннего: бревна (стены), окна, двери, порог, крыша.

Если представить пространство дома в виде схемы, получится такая картина (животные представлены в порядке убывания частоты их встречаемости в загадках):

Как видно из этой схемы, наиболее частым аналогом всего дома является медведь. Медвежьи внутренности символизируют внутреннее пространство дома, медвежьи когти и ноги соответствуют бревнам дома, шкура медведя – двери, ручка двери – медвежий пупок, его бока – окна, ср.:

Augulis ant augulio lokys guli. – Stogas ‘Росток на ростке медведь лежит. – Крыша’ (LTR 2198/189);

Meška tupi, viduriai kruta, kas bus buvęs – čiupt už bambos. – Troba, žmonės vaikščioja, ima už durų rankenos ‘Медведь сидит, внутренности шевелятся, кто был, хватает за пупок. – Изба, люди ходят, берутся за ручку двери’ (LTR 4165/220-3);

Meškos skūra terpu šakų pakarta. – Durys ‘Медвежья шкура между суков повешена. – Дверь’ (LTR 1951/71-73);

Meška lopiniuota. – Pirkios langai ‘Медведь в заплатках. – Окна избы’ (LTR 2771/810);

Meškos nagas duonos prašo. – Sąsparas ‘Медвежий коготь хлеба просит. – Угловые соединения бревен’ (LTR 1001/441-2).

Менее детализирован, но также довольно красочен образ дома = быка, ср.:

Stovi jautis su išpjautais šonais, per nugarą dūmai rūksta. – Namai ‘Стоит бык с вырезанными боками, через спину дым идет. – Дом’ (LTR 37/2498);

Teliukas ant pirties, jam pilvas išvirtęs. – Stogas ‘Теленок на бане, у него живот вывернут. – Крыша’ (LTR 618/3-13);

Rausvas jautis palubėj pririštas. – Balkis ‘Рыжий бык под потолком привязан. – Балка, перекладина’ (LTR 459/377).

Намного реже общее пространство дома загадывается через образ лошади (коня), чаще ему соответствует порог, но также окна, стены и крыша, ср.:

Ant vieno žirgo daug raitelių joja. – Stogas su gėveliais ‘На одном коне много наездников едут. – Крыша с коньками’ (LTR 973/53-2);

Šilinė kumelė balinį šieną ėda. – Trobos sienojus ir samanuos ‘Боровая кобыла болотное сено ест. – Бревна и мох’ (LTR 4009/283);

Žirgas stainioj, žirgo ausys lauke. – Balkis ‘Конь в стойле, его уши на улице. – Балка, перекладина’ (LTR 190/846);

Kumelės šonas užlopytas. – Name langas ‘Бок кобылы с заплатками. – Окно в доме’ (LTR 2286/114);

Medžio arkliukas dieną naktį jojamas. – Slenkstis ‘На деревянном коне день и ночь катаются. – Порог’ (LTR 337/903).

Можно сказать, что на этом своеобразии животных заканчивается, остальные животные повторяют некоторые функции перечисленных, дублируя тексты, например:

Козел и баран изофункциональны быку в соответствии бревнам дома:
Ožys tvarte, ragai lauke. – Sienojus ‘Козел в хлеву, рога на улице. – Бревна’ (LTR 1039/1148);

Avinas tvarte, ragai lauke. – Balkis ‘Баран в хлеву, рога на улице. – Балка, перекладина’ (LMD I 879/56).

Свинья, заяц, курица и обезьяна изофункциональны медведю и быку в изображении всего пространства дома (при этом свиной жир соответствует двери):

Stovi kiaulė, jos žarnos kruta. – Troba ‘Стоит свинья, ее кишки шевелятся. – Изба’ (LTR 465/35-197);

Kiaulė guli, o jos lašiniai vaikščioja. – Slenkstis ir durys ‘Свинья лежит, а ее жир гуляет. – Порог и дверь’ (LTR 1510/101-42);

Kiškis tupi, grobai kruta. – Troba ir žmonės ‘Заяц сидит, кишки двигаются. – Изба и люди’ (LTR 1058/4¹⁹);

Beždžionė sėdi, viduriai kuša. – Butas ‘Обезьяна сидит, внутренности шевелятся. – Квартира’ (LMD I 873/29).

Собака изофункциональна лошади в изображении порога:

Mažas šunelis dieną naktį jojamas. – Slenkstis ‘На маленькой собачке день и ночь катаются. – Порог’ (LTR 451/345-16).

Отличительной особенностью некрупных животных является то, что через их образ чаще загадываются окна (в то время как в случае с крупными животными окна символизируют их бока):

Balta višta tvoron įkišta. – Langas ‘Белая курица в забор засунута. – Окно’ (LTR 5258/122);

Marga kiaulė tvoroj įkimšta. – Langas ‘Пестрая свинья в забор засунута. – Окно’ (LTR 37/1678);

Balta kalaitė juodoj tvoroj įstrigus. – Langas pirkioje ‘Белая сука в черном заборе застряла. – Окно’ (LTR 1189/330-105);

Ant sienų margos katės laipioja. – Langai ‘По стенам пестрые кошки ла-
зят. – Окна’ (LTR 3477/431).

Чтобы не углубляться в анализ аналогий подобных загадок, существующих в других традициях, ограничимся приведением параллелей только из наиболее близких литовской традиций – латышской и русской.

В латышской традиции функциональное распределение персонажей аналогично литовской⁵.

Пространство дома = медведь: *Lācis tup, zarnas kust (māja ar cilvēkiem)* ‘Медведь сидит, кишки шевелятся’ (LTM, Nr. 1934.a);

Крыша (стропила) = бык, баран: *Vērsis kūtī, ragi ārā (spāres un spāru gali)* ‘Бык в хлеву, рога на улице’ (LTM, Nr. 1395.b); *Auns kūtī, Ragi aiz durvīm (jumta spāres)* ‘Баран в хлеву, рога за дверью’ (LTM, Nr. 1395.a);

Окно = лошадь: *Seši sirmi kumeliņi, Katrs savā steliņģī (logs)* ‘Шесть сивых лошадей, каждая в своем загоне’ (LTM, Nr. 1845);

Порог = лошадь, собака: *Koka zirdziņš Dien’ un nakti jājams (sliexsnis)* ‘На деревянном коне день и ночь катаются’ (LTM, Nr. 2964.b); *Mazs mazs kuceniņš Visiem kāju ostītājs (sliexsnis)* ‘Маленькая, маленькая собачка всем ноги нюхает’ (LTM, Nr. 2969).

В русских загадках мы видим несколько иную картину: пространство дома целиком загадывается через образ животного реже, чаще в текстах фигурируют части животного (сук в бревне = глаз; матица = рога) или элементы дома в образе животного.

Дом:

Стоит бычище, проклеваны бочища (изба) (ЗРН, № 17)

Курица на курице, а хохол на улице (изба) (ЗРН, № 16)

Части дома:

Корова в избе, рога в стене (матица) (ЗРН, № 47)

Лежит коза в избе, а рога – во дворе (матица) (ЗРН, № 46)

Семьдесят ребят на одной кобыле палят (матица и бревно) (Рыбникова, № 940)

Две овечки в печку глядят (притолоки) (ЗРН, № 89)

Бычачьи глаза в стене (сучок) (ЗРН, № 366)

.....
5 Благодарю Дайню са Разаускаса за помощь в поиске латышского материала.

Медвежий глаз в избе (сучок) (ЗРН, № 36г)

Бык в хлеве, рога в стене (сучок) (ЗРН, № 37)

Полна хата воробьев нагната (сучья) (Рыбникова, № 961)

Против вас, против нас поросенок увяз (мох <в бревнах>) (ЗРН, № 25)

Стоят кони на приколе, не пьют, не едят, а веселые стоят (окна) (Рыбникова, № 948)

Медведица встряхнется – все люди оглянутся (дверь) (ЗРН, № 81а)

Надо подчеркнуть, что о распространенности метафоры строение = животное свидетельствуют не только фольклорные тексты, но и художественная литература, ср., например, из русской литературы:

Здания – хищные звери / С сотней ненасытных утроб! (Брюсов)

Избы ... Ощетинились их спины, / Как сухая шерсть. / День и ночь струят равнины / В них сухую персть. / Огоньками злых поверий / Там глядят в простор, / Как растрепанные звери / Пав на лыс-бугор. (Белый)

Под самой Сухаревой башней <...> дородной как ... привязанная к чахлому деревцу холмогорская коро́ва. (Мандельштам)

Солнце избу взнуздадо – / Бревенчатого жеребца ... И когда огневой возница / Взнуздывает избу, / Каргопольским говором Ницца / Провещает Руси судьбу. (Клюев)

Собак о́й на Сене чернеют дворцы / на желтизне на осенней. (Маяковский)

Избы стояли нахохлившись, как куры в непогоду. (Бунин)

Далеко за берегом, на темном бугре, как испуганные молодые куропатки, жалась друг к другу избы деревни, в которой жил мой Савка. (Чехов)

Эти зеленые крыши, как овцы, / Тычутся мордой друг в друга и дремлют. (Хлебников)

(Примеры из литературы цитируются по: Павлович 2007: 2 527–538.)

Как видно по этим примерам, в них в основном фигурируют те же животные, что и в загадках: лошади, собаки, куры, овцы, коровы. Однако встречаются и более экзотические варианты:

Серым верблюдом стала изба. / Стекла – как очи тифозного сфинкса. (Саша Черный)

Лишь изредка косятся на дом, который / годами и бревнами в жабу раздуло. (Нарбут)

И как стерляди – острогорбы и зубчаты крытые тесом дома. (Вс. Иванов)

Спят крыши, как чешуйчатые карпы. (Б. Поплавский)
... крыши сизые галькой брезжут, / точно в воду погружены, / как у крабов на
побережье, / у соборов горят клешни. (Вознесенский)
На площадь выбежав, свободен / Стал колоннады полукруг, – / И распластался
храм Господень, / Как легкий крестовик-паук. (Мандельштам)
(Там же: 2 528–551)

Подобные примеры позволяют судить о продуктивности этой метафоры. В этом нет ничего удивительного, учитывая универсальность представлений о доме как о теле, организме (см., например: Элиаде 1994; Байбурин 1983; Цивьян 1978, 2000; Иванов 2011 и др.). По словам Мирчи Элиаде,

уподобление дом – тело – Космос возникает сравнительно рано. <...> Человеческое тело ритуально воплощает Космос или ведический жертвенник (который является неким *imago mundi*), но также уподобляется и дому. Один из текстов Хатхайоги говорит о человеческом теле как о «доме с одной колонной и девятью дверьми» (*Goraksha Shataka*, 14) <...> Но уподобление осуществляется и в обратном направлении: храм или дом в свою очередь могут сравниваться с человеческим телом (Элиаде 1994: 108).

В связи с этим тело животного можно считать частным случаем представления дома в виде тела человека (ср. огромное количество аналогичных загадок). Это сближение особенно явно при представлении внутреннего пространства дома как живота (кишечника) крупных животных, суков как глаз и бревен как ног. Однако в случае отождествления частей дома с самими животными (окна, двери, порог как лошади / собаки / кошки / куры и т. д.), видимо, следует искать другие аналогии.

В основе метафоры, несомненно, лежит прежде всего внешнее сходство, которое, возможно, нам подсказывает генетическая память о том, что первые жилища человека строились из шкур и костей животных. Так, одно из старейших построенных жилищ в мире, которое датируется приблизительно 10-ом тысячелетием до н. э., было сделано из костей мамонта и покрыто его шкурами; находка была сделана в селе Межирич, недалеко от Киева (Межиричская...). Наиболее интересные археологические находки древнейших жилищ относятся к раннему палеолиту. Например, в пещере Ле Лазаре (Франция) были обнаружены остатки убежища, реконструкция которого предполагает наличие крыши из шкур, а также постелей из шкур животных (лисы, волчи, рысь). Эти находки датируются временем около 150 тысяч лет. По данным археологии, в специально изготовленных

из мамонтовых костей жилищах жили также мустьерские неандертальцы (Курс: История...). Даже в наше время многие национальные жилища (народов Крайнего Севера, Африки и Австралии) покрываются шкурами. Как реликты этих обычаев можно вспомнить популярное до сих пор стремление многих украсить пол и стены своего дома декоративными шкурами животных (нередко с подчеркнута выделенными частями тела: головой и лапами).

Другим объяснением, на наш взгляд, могут служить аллюзии к строительным жертвам, распространенным у разных народов⁶. По данным Дмитрия Константиновича Зеленина, в жертву при строительстве дома приносили самых разнообразных животных: кошек, собак, зайцев, ягнят, овец, коз, жеребят, быков, свиней, петухов, куриц, лягушек, змей... При этом верили, что дух соответствующего животного живет в построенном здании. Славяне чаще всего использовали в качестве строительной жертвы петуха или конский череп.

Поляки при закладке дома убивали петуха и закапывали его под углом дома; местами этот петух был обязательно черный. В других местах поляки же перед вселением в новый дом убивали курицу и носили ее по всем комнатам дома; если этого не сделать, то кто-либо в новом доме скоро умрет. <...> У болгар был обычай замуровывать в строящееся здание ягненка или петуха. Сербы в Славонии под основание дома иногда закапывали живого петуха или летучую мышь. <...> Западные украинцы под фундамент или под печь новой хаты зарывали конский или скотский череп, “чтобы несчастья и болезни падали на этот череп, а не на обитателей дома”. Русские крестьяне в районе Обояни прежде верили, что всякий дом должен быть выстроен на чью-либо голову из живущих в нем, и потому, чтобы предотвратить несчастье, при переходе в него отрубают на пороге избы голову у курицы, которую после в пищу не употребляют. Иные же, для предотвращения мнимого несчастья, при закладке домов закапывали куриную голову под главным углом. Белорусы в районе Лепеля и Борисова некогда, при закладке нового дома, отрубали голову петуху, которую и зарывали тут же в землю или просто клали под угловой камень; петуха съедали. Иногда этот же обряд совершался при закладке печи – чтобы “куры плодились” (Зеленин 2004: 165–168).

Как видно из приведенного описания, сутью строительной жертвы было принести дар духу дома (олицетворенного божеством) для обеспечения его устойчивости и длительности существования. Обычай закапывать при

6 На возможность соотнесения загадок о доме-животном со строительной жертвой указал в своей монографии Альберт Кашфуллович Байбурин (1983: 63).

строительстве дома животное живым, вероятно, связан с представлением о том, что душа этого животного продолжает жить в постройке, являясь ее охранителем и превращаясь в дух жилища. Говоря о строительстве дома как о священнодействии, М. Элиаде подчеркивает:

Бесчисленные формы жертвоприношений при строительстве <...> суть не что иное, как имитация, часто символическая, первого жертвоприношения, давшего рождение Миру <...>. Чтобы «сооружение» (дом, храм, техническая постройка и т. п.) сохранилось надолго, оно должно быть одухотворено, т. е. должно получить одновременно и жизнь, и душу. «Перемещение» души возможно лишь при принесении кровавой жертвы (Элиаде 1994: 42).

Таким образом, жертвоприношение при строительстве символизирует воссоздание Космоса из частей тела первочеловека – первожертвы. Но в нашем случае речь идет прежде всего о животных.

Многие исследователи считают, что жертвоприношение животных заменило жертвоприношение человека, практиковавшееся ранее. Поддерживая эту точку зрения, Д. К. Зеленин ссылается на древнехристианский номоканон, который рекомендовал христианам класть в основание домов не человеческое тело, а кабана, или быка, или козла. Однако Юлий Липперт считает, что в одних случаях строительной жертвы животные служат лишь символическими заместителями человека; в других, более многочисленных случаях они могли фигурировать и первоначально (Зеленин 2004: 164).

В связи с этим интересными представляются данные древнеиндийских брахманических текстов, в которых в перечне жертвенных животных упоминается также человек: человек – конь – бык – баран – козел; подобным образом и в римском ритуале: человек – конь – бык (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 470). Небезынтересна также последовательность ритуальных животных при освящении нового жилья у белорусов; ночевка в доме должна происходить в порядке: курица – гусь или кошка – поросенок – овца – корова – лошадь – человек. Сравнивая этот порядок с приведенным выше, авторы отмечают:

Обращает на себя внимание обратный рассмотренному выше порядок от менее важных животных по мере возрастания значимости, кончая человеком. Иерархически это то же самое, что и обратное расположение животных в порядке убывания их ритуальной значимости, как в приводимых выше хеттских, древнеиндийских и итальянских текстах (там же: 470–471, сн. 1).

Характерно, что в этих контекстах «человек и определенные домашние животные создают единую группу, которая действует единообразно или в отношении которой предпринимается определенное действие» (там же). Таким образом, человек служит всего лишь одним из звеньев (хоть и главным) единой цепи ритуальных жертвоприношений. В более поздней своей работе Вячеслав Всеволодович Иванов предполагает даже вторичность жертвоприношения человека:

можно предположить, что ранние жертвоприношения, соотносившиеся со строительным ритуалом, могли использовать первоначально в качестве обрядовой жертвы то животное (медведя или дикого быка), которое выступало как древний священный символ. Человеческое жертвоприношение могло совершаться позднее или быть параллельным явлением, но скорее всего человеческая жертва не была единственной (как и в позднейшем погребальном обряде) (Иванов 2011: 17).

В любом случае важным представляется стремление воссоздать микрокосм (в данном случае – дом) из частей тела жертвы (в данном случае – животного). Здесь можно вспомнить древнеиндийскую Ашвамедху, с которой связывалось сотворение мира из частей коня (МНМ 1 143). В индоевропейской традиции конь был отмечен особой ритуальной близостью с человеком, вплоть до отождествления с ним (см. выше приведенную последовательность ритуальных животных, в которой конь следует сразу за человеком). Во время ритуала Ашвамедха «после принесения в жертву коня главная царица соединяется символически в ритуальном браке с убитым конем» (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 482). Подобный ритуал «брака» с убитым конем зафиксирован и в кельтской традиции. По хеттским законам, конь в определенном смысле приравнивался к рабьям-военнопленным: если мужчина совершит грех с конем, как и с рабыней, наказания быть не должно (в отличие от случаев, если это произойдет в отношении свиньи или собаки – тогда виновный карается смертью) (там же). Ритуальная близость коня и человека символизируется и галльскими изображениями коней с человеческими головами (там же: 552). В Ригведе конь выступает как одно из основных священных животных, на колесницах, запряженных конями, передвигаются божественные близнецы Ашвины (там же: 548). В Ригведу наряду с гимнами богам включено несколько гимнов «обожествляемым коням», называемым поименно (там же: 549). Особый «конский бог» был известен и балтам. Два божественных близнеца, называемых в балтийских языках, как и в греческом, сыновьями бога (лит. *Dievo sūneliai*), постоянно связываются с двумя конями, которые часто изображаются на

крышах домов (там же: 555). Интересно, что у славян зафиксированы данные о том, что именно принесение в жертву коня в качестве строительного обряда сопровождалось водружением на крышу нового дома изображений двух коней – «коньков» (там же: 556).

Этот факт особенно важен в связи с рассматриваемыми загадками: «коньки» на крышах домов, венчающие собой жилое пространство дома, позволяют представить дом телом коня, а крышу – его головой. Подчеркивая особую распространенность «коньков» на циркумбалтийской территории, Вяч. Вс. Иванов отмечает:

Внутри древнего дома конное жертвоприношение и соответствующее изображение коней отражено по всей вертикали от подземелья, где, собственно, лежит этот конь, если его принесли в жертву, до самой вершины дома, где есть ритуальное изображение коньков. Все это сохраняется на всем протяжении обозначенной территории и на всем протяжении истории культуры (Иванов 2011: 14).

Интересно и то, что в декоре крыши использовались и так называемые «курицы» (кокоры) – своеобразные крюки, служившие для удержания теса на скате. «Любопытно, что в народных представлениях коньки и курицы объединялись в качестве совершенно необходимых (и не только в конструктивном плане) элементов жилища, ср.: “Курица и конь на крыше – в избе тише”» (Байбурин 1983: 90). Напомним, что именно курица (петух) и конь являются наиболее частыми строительными жертвами у славян. Есть данные об использовании коня в качестве строительной жертвы и балтами (см. Nukantaival 2009: 351).

В связи с этим немаловажно и то, что в литовских загадках через коня (лошадь) часто загадывается порог: точка, отделяющая внешнее пространство от внутреннего и потому обладающая отмеченной семантикой⁷. Аналогичным образом мы видим в качестве олицетворения порога других животных, которые чаще всего используются при жертвоприношении (курица, собака, кошка). Возможно, именно отголосок строительной жертвы отразился в литовской загадке: *Mažas gaidelis po žeme gieda. – Slenkstis* ‘Маленький петушок под землей поет. – Порог’ (LTR 3130/5).

Интересен тот факт, что все вышеперечисленные животные, выступающие в обрядах в качестве строительной жертвы, выступают и в загадках о доме (с явным перевесом коня и быка, что соответствует и их ритуальной

7 Смотрите богатый материал литовских загадок о лошади, представленный в статье Kensminienė 2012. На основании анализа загадок автор делает предположение, что в качестве оберега кости лошади могли закапываться под порогом дома (там же: 46).

значимости в обрядах индоевропейцев). Исключение представляет собой медведь, который в литовских загадках фигурирует в качестве обозначения всего дома чаще всего. Важно подчеркнуть, что медведь – единственное из всех упоминающихся в описываемых загадках дикое животное, не относящееся к миру человека.

Что же позволяет поставить медведя в один ряд с домашними животными и даже сделать его главным в отождествлении с человеческим жилищем? Следует прежде всего отметить, что медведь – один из основных персонажей народной зоологии, наделяемый антропоморфными чертами. И в славянской, и в литовской народной традиции немало этиологических легенд, в которых происхождение медведя связано с человеком, обращенном Богом в зверя в наказание за провинности. Сравните также многочисленные сказки о сожительстве медведя и человека, вследствие чего появляется на свет получеловек-полумедведь, наделенный особой силой (см., например, Kerbelytė 1981: 44). Особая близость медведя и человека объяснялась особенностями его поведения и внешнего вида: по поверьям славян, у медведя человечесьи глаза, ступни и пальцы; он умеет ходить на двух ногах и любит плясать под музыку, умывается и совокупляется как люди, кормит грудью, нянчит и любит своих детей, молится, радуется и горюет как человек, понимает человеческую речь и сам иногда говорит, постится весь Рождественский пост – сосет лапу (СД 3 212). Медведь являлся символом богатства, достатка в доме. В Литве существовал обычай обводить медведя вокруг дома, чтобы в нем было благополучие, в новую избу вводили медведя, говорили: «новую избу раньше освящали медведи» (Vėlius 1987: 103). О медведе как гаранте благополучия свидетельствует поговорка: *Ramiai gyvena, kaip meškos ausyje* ‘Живет спокойно, как в ухе у медведя’ (там же). Славяне считали, что медведь способен устрашать нечистую силу и отвращать порчу, он чует ведьму в доме. Подобные поверья были и у литовцев, ср.: «в древности люди верили, что медведь может выгнать из дома черта, и имели обычай приглашать для этого медвежатника с медведем» (Elisonas 1932: Nr. 2553). С помощью медведя снимали порчу с дома и с хлева. Медведь известен и в качестве охранителя скота. На Украине верили, что «свой» домовый, заботящийся о скотине, может иметь облик медведя (СД 3 211–214).

Об универсальности представлений о медведе как о человеке может свидетельствовать распространенность медвежьего культа и у других народов: айнов, кетов, многих тунгусоязычных народов, нивхов. Важной для нашего анализа особенностью айнского медвежьего культа является воспитание медвежонка в доме (Иванов 2011: 16).

В древнегерманской традиции медведь входил в число священных зверей, образующих связующее звено между человеком и богом (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 488). Медведь относился к «животным богам» и в древнехеттской традиции (там же: 486). Возможно, эти представления нашли отражение и в литовском и славянском фольклоре, в которых существует немало легенд, сближающих медведя с Богом и священником, ср. русское и белорусское название медведя «лесной архимандрит» (СД 3 211), по поверьям карпатских украинцев, медведь произошел от попа (Гура 1997: 159). Медведь сравнивается со священником и в литовской быличке (LMD I 483/6).

Наконец, существуют представления и о самих божествах в облике медведя. По данным Марии Гимбутене,

медведица, как символ материнства, хорошо известна по скульптурам 5-го тысячелетия до н. э.: это мадонна с маской медведя, держащая медвежонка, и няня с маской медведя и корзиной для ребенка за спиной из культуры Винчи. В фольклоре сохранилось много информации о когда-то жившей медведице-прародительнице и медведице-матери, дающей новую жизнь. <...> Существование Богини-Медведицы засвидетельствовано в историческое время (Gimbutienė 1996: 179).

Следует отметить, что именно в Литве культ медведя отличался особой популярностью.

С именем медведя в Литве связано более 600 топонимов, распространенных по всей республике. В Литве есть горы, камни, деревья, называемые «Медведь» (*Meška*). С именем медведя связаны названия речек, болот, озер, полей, лугов, оврагов, пашень, лесов, кустов, дорог, деревень, усадеб и др. (Seselskytė 1985: 57).

Сказка «Падчерица в избе медведя» в Литве была самой популярной из всех сказок о невинно преследуемой падчерице и, по данным некоторых исследователей, появилась именно в балтийских краях и оттуда перешла в другие страны (там же: 43). Здесь можно вспомнить также явно навеянный литовской мифологией рассказ Проспера Мериме «Локис». Возможно, поэтому именно в литовской традиции мы встречаем такое обилие загадок о доме-медведе. Медведица считалась прародительницей Жемайтии, на гербе Жемайтии, который появился в XV веке, изображена черная медведица, стоящая на задних лапах⁸.

.....

8 Более подробно этот феномен рассматривается в статье Завьялова 2005.

О божественной (высшей) сущности медведя свидетельствуют и мифы, переносящие его в небесную сферу: ср., например, миф о спутнице Артемиды нимфе Каллисто, которая была обращена Артемидой (по другой версии – Зевсом) в медведицу, после чего Зевс перенес ее на небо виде созвездия Большой Медведицы (МНМ 2 129). Возможно, реликтами этих представлений являются отраженные в фольклоре (и, в частности, в загадках) сближения медведя с небесной сферой; ср., например, литовскую загадку: *Vidury dvaro meška kabo* ‘Посреди двора медведь висит’ (LTR 5304/236) = солнце или луна. В славянской традиции медведь сравнивается, как правило, с луной, ср. луна – «медвежье солнышко» (Иванов, Топоров 1965: 164), загадка: *Девка коровку доит, а медведь в подворотню глядит* = месяц (ЗРН, № 1833).

В связи с этим можно вспомнить мотивацию этимологии имени медведя в индоевропейских языках, отсылающую к семантике шерсти (см. Топоров 1986: 220), что, в свою очередь, восходит к комплексу понятий, связанных с и.-е. **uel-*, в числе которых и производное *hulaleššar* ‘оболочка, горизонт, оком’ (Иванов, Топоров 1974: 52). Таким образом, семантика шерсти, являющаяся главным компонентом значения ‘медведь’, может иметь отношение и к глобальному вместилищу всего живого – некоторой оболочке, внутри которой зарождается жизнь. Это может проявляться как в качестве утробы роженицы, так и применительно ко всему мирозданию. Сюда же, вероятно, можно отнести и семантику дома как вместилища живого, жилого пространства человека, соотносимого с мирозданием, ср. отождествление тела медведя с крышей (верхом дома) в литовской загадке: *Augulis ant augulio, augulis ant augulio, o ant tų augulių meška guli* ‘Росток на ростке, росток на ростке, а на тех ростках медведь лежит. – Дом’ (LMD I 733/40).

Примечательно, что в подобных загадках медведю часто изофункционален бык, что может быть связано как с высокой ритуальной значимостью быка, так и с подобным медведю мифологическим содержанием этого образа.

В традициях многих народов бык – особо почитаемое, «чистое» животное (ср. высокое положение быка в иерархии жертвенных животных, приведенной выше), по болгарским представлениям, бык недостижим для нечистой силы. Известна его роль и как обеспечивающего благополучие в доме, достаток, урожай. У южных славян был распространен обряд с волон-полазником на Рождество и Новый год. «Часто волу натыкали на правый рог калач с дыркой посередине и вводили его с ним в дом. Там калач снимали, разламывали на три части: одну давали вол-«дешняку», вторую – его напарнику, а третью клали в зерно, оставляемое для сева. <...>

В зап[адной] Боснии (в Яне) вола-полазника покрывали в доме одеялом или ковром, посыпали зерном, угощали сакральным пирогом–«чесницей» и пшеницей». Этот обряд должен был обеспечить плодородие на следующий год (СД 1 409). По славянским поверьям, «особой целительной и защитной силой обладают говяжьи испражнения. Болгары смешивали их со скорлупками от первого пасхального яйца, которым «причащалось» все семейство, и прилепляли ее, как лепешку, над хлебом, а иногда и над входной дверью в дом и в хозяйственные помещения» (СД 1 503–504).

Многие народные поверья соотносят быка с небесной сферой. Сравните в связи с этим представления славян о вредоносных говядах–тучах: «Говяда-тучи – небесный скот. Такие представления лучше всего сохранились у сербов, но их рудименты обнаруживаются почти во всем славянском мире» (СД 1 504). Первая туча перламутрового отлива, предвещавшая грозу и град, в Вологодском крае называется *бык* (СД 1 273). Сравните в связи с этим одно из значений лит. *milžti* (букв. ‘дойть’) ‘хмуриться, становится пасмурным, покрываться тучами (о небе перед дождем, бурей)’; *užmilžti* (букв. ‘задойть’) ‘затуманиться, покрываться тучами’ (LKŽ VIII 204). Эти воззрения отразились и в литовских загадках, ср.: *Juodas jautis dangų laižo. (Debesis)* ‘Черный бык небо лижет. (Облако)’ (LTt V 457, Nr. 5439); *Balta karvė langus laižo. (Aušra)* ‘Белая корова окна лижет. (Заря)’ (LTt V 452, Nr. 5381). Месяц появляется в образе пастуха, пасущего небесное стадо (облака или звезды), в малоросской загадке: «*Ихав чумак, тай став, бо волив потеряв – месяц, закрытый тучами*» (Афанасьев 1996: 159). Вспомним аналогичные загадки о месяце в образе медведя. Бык особым образом связан с луной: «болгарское предание приписывает ведьмам доение луны, которая обращается в корову; из этого молока они готовят чародейное масло; когда ведьмы отнимают у луны все молоко, весь свет (задаивают ее), тогда бывает лунное затмение» (там же: 192). Возможно, в этих поверьях находят отражения древнейшие представления о быке как о лунном божестве, распространенные в Древнем Двуречье, в Средней Азии 3–2-м тыс. до н. э., в древнеиранской и древнеиндийской традициях (МНМ 1 203).

Однако наиболее часто в литовской и славянской традиции бык связан с громом и громовержцем, ср. литовскую загадку: *Senas jautis baubia. (Debesys ir griaustinis)* ‘Старый бык ревет. (Тучи и гром)’ (LTt V 457, Nr. 5444); *Eina jautis baubdamas, dangų ragais rėždamas. (Griaustinis ir žaibas)* ‘Идет бык ревя, небо рогами режет. (Гром и молния)’ (LTt V 465, Nr. 5526). По славянским народным верованиям, вол–«облакопрогонник» обладал сверхъестественной силой. Такие волны во время грозы начинают рыкать, бить передними копытами и смотреть на тучи; затем они могут вылезти из ярма и исчезнуть

в тучах, чтобы биться со змеями и злыми небесными силами (СД 1 410). По данным Прокопия Кесарийского (VI век), славяне приносили в жертву быка верховному богу-громовержцу (СД 1 274). отождествление быка с богом-громовержцем известно и другим традициям: ср. греческие мифы о Зевсе, превращающемся в быка; римляне также приносили в жертву Юпитеру быка (МНМ 1 203). Еще в Ригведе «быками» постоянно называются боги грома и грозы Индра и Парджанья (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 576).

Таким образом, мифологические представления и о медведе, и о быке переносят их в небесную сферу, позволяют считать их воплощением космологического начала⁹. Здесь также стоит отметить южнославянские представления о быке как о космофоре, опоре земли. «В Сербии полагали, что земля держится на четырех быках <...>. Подобные верования известны алтайским, мусульманским, древнеиндийской традициям» (СД 1 272). Данные о небесной корове как прародительнице известны древнейшим мифологическим традициям: ср. египетский миф, в котором «солнечный бог Ра поднимается из океана на небесной корове..., которая встала из воды (где ее двойником была “великая корова в воде” Метуэр, известная уже в 3-м тыс. до н. э.) и превратилась в небо». Также «небесной коровой, родившей солнце, считалась Хатор, нередко выступающая в функции богини плодородия» (МНМ 2 5).

Таким образом, бык, как и медведь, может быть метафорой внешней оболочки всего мироздания и дома как микрокосма человека¹⁰ (в свою очередь соотносимого с утробой, ср. загадки о доме как о чреве).

Получается, что все вышеперечисленные священные животные, чаще всего олицетворяющие дом в загадках (медведь, бык, конь), отличаются некоторыми общими чертами: они соотносятся одновременно с миром человека (отождествляются с человеком или близки ему в бытовом плане) и с миром божественного (наделяются сакральными чертами, обожеествляются и имеют отношение к небесной сфере). Вероятно, это придает им особый статус в ритуалах и мифологическом мировоззрении.

Обобщая все выше сказанное, можно сделать вывод, что загадки о доме = животном, вероятно, имеют как очевидное объяснение: сохранившиеся в генетической памяти сведения о строительном материале домов наших предков (шкурах и костях крупных животных), так не вполне очевидное: ритуальные характеристики животных, выступавших в роли строительной

9 Шире о быке в связи с небесной сферой см. Завьялова, Разаускас 2007.

10 О том, что мир и дом могут быть взаимообратимы и между ними нет принципиального противопоставления в семиотическом плане, см. Цивьян 1997: 49.

жертвы (при явно выраженной иерархии этих животных: от коня и быка как более значимых к курице и зайцу как второстепенным, что отражается и в частоте их упоминания в загадках). Немаловажным является и мифологический, космогонический контекст некоторых животных (прежде всего медведя и быка), соотносимых с небесным пространством как «домом» всего живого. Это сочетается с представлениями о доме как о Космосе и теле человека одновременно. Сравните в связи с этим размышления М. Элиаде о значении строительства дома как творения мироздания:

Разместиться на какой-либо территории, построить жилище – все это <...> предполагает принятие жизненно важного решения как для всего коллектива, так и для каждого человека в отдельности. Ведь речь идет о том, чтобы взять на себя создание «мира», избранного для обживания. Следовательно, нужно повторить деяние богов, космогонию (Элиаде 1994: 39),

и Вяч. Вс. Иванова о жертвоприношении при строительстве как о воссоздании организма:

Строительный обряд предполагает одно из <...> жертвоприношений и соответственно его можно <...> понимать как сооружение модели организма, которая заменяет умерщвляемое священное животное или человека (Иванов 2011: 17).

Таким образом, священные животные, олицетворяющие дом, могут рассматриваться в двух контекстах: на макроуровне как соответствие Вселенной и на микроуровне в качестве одухотворяющего постройку живого организма.

ИСТОЧНИКИ

МНМ – *Мифы народов мира: Энциклопедия*, в 2-х томах, Москва, 1997.

СД – *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, т. 1–4, под ред. Н. И. Толстого, Москва, 1995–2009.

ЗРН – Д. Н. Садовников. *Загадки русского народа*, Санкт-Петербург, 1876.

Рыбникова – М. А. Рыбникова. *Загадки*. Москва–Ленинград, 1932.

LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas*, t. VIII, Vilnius, 1970.

LMD – *Lietuvių mokslo draugijos rankraščiai Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštyne*.

LTM – *Latviešu tautas miklas: Izlase*, sastādījusi Alma Ancelāne, Rīgā, 1954.

LTR – *Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas*.

LtT – *Lietuvių tautosaka*, t. V: *Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai*, medžiagą paruošė K. Grigas, Vilnius, 1968.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А. Н. 1996. *Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии*, Москва.
- Байбурин А. К. 1983. *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*, Ленинград.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. 1984. *Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ протоязыка и протокультуры*, Тбилиси.
- Гура А. В. 1997. *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. 1984. О ведийской загадке типа *brahmoda*, кн.: *Пармиологические исследования*, Москва, с. 14–46.
- Журинский А. Н. 1989. *Семантическая структура загадки*, Москва.
- Завьялова М. В. 2005. Фольклорные и мифологические реминисценции в новелле Проспера Мериме «Локис», кн.: *Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой*, Москва, с. 682–698.
- Завьялова М. В., Разаускас Д. 2007. Летающие животные и поющие рыбы, или круговорот превращений в поэзии Сигитаса Гяды, кн.: *На меже меж Голосом и Эхом: Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян*, Москва, с. 110–133.
- Зеленин Д. К. 2004. *Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1934–1954*, Москва.
- Иванов Вяч. Вс. 2011. Дом как организм, *Традиционная культура*, № 2(42), с. 10–19.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. 1965. *Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период*, Москва.
- 1974. *Исследования в области славянских древностей*, Москва.
- Кёнгэс-Маранда Э. 1978. Логика загадок, кн.: *Пармиологический сборник*, Москва, с. 249–282.
- 1984. Теория и практика анализа загадок, кн.: *Пармиологические исследования*, Москва, с. 47–60.
- Курс: История... Курс: *История древнего мира*: <<http://www.madrace.ru/istoriya-drevnego-mira/>>.
- Левин Ю. И. 1978. Семантическая структура загадки, кн.: *Пармиологический сборник*, Москва, с. 166–190.
- Межиричская... *Межиричская стоянка*: <http://www.doroga.ua/poi/Cherkasskaya/Mezhirich/Mezhirichskaya_stoyanka/1596>.
- Павлович Н. В. 2007. *Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков*, в 2-х томах, Москва.
- Седакова И. А., Толстая С. М. 1999. Загадки, кн.: *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, т. 2, под ред. Н. И. Толстого, Москва, с. 233–237.
- Судник Т. М. 1998. Об одном типе космологических загадок, кн.: *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст*, т. 2, Москва, с. 81–100.
- Топоров В. Н. 1986. Кельтиберская надпись из Боторриты в свете балто-славянского сравнения, кн.: *Балто-славянские исследования, 1984*, Москва, с. 209–224.
- 1994. Из наблюдений над загадкой, кн.: *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст*, т. 1, Москва, с. 40–44.
- 1998. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки), кн.: *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст*, т. 2, Москва, с. 54–78.
- Цивьян Т. В. 1978. «Дом» в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок), *Труды по знаковым системам*, № 10, с. 65–85.
- 1997. Интерьер Космоса в интерьере дома, кн.: *Натура и культура: Славянский мир*, Москва, с. 48–55.
- 2000. Архетипический образ дома в народном сознании, *Живая старина*, № 2(26), с. 2–4.
- Элиаде Мирча 1994. *Священное и мирское*, Москва.

- Elisonas Jurgis 1932. Mūsų krašto fauna lietuvių tautosakoje, kn.: *Mūsų tautosaka*, [t.] V, Kaunas.
- Gimbutienė Marija 1996. *Senoji Europa*, Vilnius.
- Hukantaival Sonja 2009. Horse Skulls and “Alder Horse”: the Horse as a Depositional Sacrifice in Buildings, *Archaeologia Baltica*, [vol.] 11, p. 350–356.
- Kensminienė Aelita 2012. Arkliai lietuvių mįslėse, *Tautosakos darbai*, [t.] XLIII, p. 33–48.
- Kerbelytė Bronislava 1981. *Lietuvių rašytojų surinktos pasakos ir sakmės*, Vilnius.
- Seselskytė Adelė 1985. *Lietuvių stebuklinės pasakos apie pamotę ir podukrą*, Vilnius.
- Vėlius Norbertas 1987. *Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis: Folklorinio velnio analizė*, Vilnius.

Lietuvių mįslės apie namą kaip apie gyvūną

MARIJA VIAČESLAVOVNA ZAVJALOVA

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjamos lietuvių mįslės, kuriose namas užmenamas per gyvūnų įvaizdžius. Nors panašių tekstų gausu daugelyje tradicijų, tyrimui pasirinkta lietuvių medžiaga (ten šis reiškinys atsispindi gana kompleksiskai), lygiagrečiai pateikiant atitinkamų pavyzdžių iš kaimynų rusų ir latvių tradicijų. Platesnė baltų, slavų ir kitų indoeuropiečių tradicijų folklorinių, archeologinių bei apeiginių duomenų analizė leidžia daryti prielaidą, kad aptariamos mįslės apie namą = gyvūną gali būti susijusios su statant namą atliekamomis archajinėmis gyvūnų aukojimo apeigomis, kurios paplitusios visoje Europoje. Kaip šiuose ritualuose ypač reikšmingi gyvūnai išskiriami *arklys*, *lokys* ir *jautis*, taip pat turėję aukštą simbolinį statusą indoeuropiečių mitologijoje. Kaip tik šie gyvūnai dažnai figūroja ir mįslėse. Ritualinis bei mitologinis šių gyvūnų kontekstas leidžia juos sieti su kosmogoniniais vaizdiniais, o kadangi namo statyba mitologinėje vaizduotėje buvo prilyginama Kosmoso atkūrimui, aiškėja ir atitinkamų gyvūnų aukojimo prasmė: suteikti naujam gyvenamajam trobesiui gyvą dvasią. Kita vertus, namo kaip organizmo simbolika leidžia tapatinti gyvūno kūną ir jo dalis su namo erdve ir jo dalimis. Taigi palyginimas namas = gyvūnas įgyja dvejopą prasmę: namo simbolikos fiziniame (mikro-) lygmenyje gyvūno kūnas gali atitikti statinio konstrukcijas; namo simbolikos dvasiniame (makro-) lygmenyje gyvūno mitologinis ir semiotinis įprasminimas atitinka gyvenamosios erdvės sielą.

Gauta 2013-11-02